

Oleg Bukhovets

(Belarusian State Economic University, Minsk;

Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

Major contribution to the study of nation-building in Russia

DOI: 10.31857/S2949124X24010201, EDN: CAMXOW

Центр гуманитарных инициатив и издательский центр Института российской истории РАН выпустили в свет монографию Д.А. Аманжоловой, К.С. Дроздова, Г.В. Костырченко и Т.Ю. Красовицкой «Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг.». Исследователи давно и плодотворно работают на ниве изучения процессов нациестроительства, развернувшихся на территории бывшей Российской империи в ходе великих потрясений 1917 г. и Гражданской войны, а затем претерпевших сильнейшие флуктуации на протяжении обозначенного периода. Внушительная по объёму, рецензируемая книга опирается на солидный фундамент (библиографический список насчитывает 36 страниц, а указатель имён – 13). Она состоит из 7 глав, 14 разделов, 17 параграфов, содержит развёрнутое введение и обстоятельное заключение.

Как указывают авторы введения Аманжолова и Красовицкая, «советский исторический опыт рассматривается... в контексте противоречивого формирования новой многонациональной общности, объединившей народы бывшей Российской империи в ходе переброски государственной системы и посредством политики советского транзита народов от традиции к модерности» (с. 6). «Красной нитью» через книгу проходит идея

о том, что советская национальная политика, «соединившая усилия центра и национальных элит, обеспечивала сплав адаптировавшихся к социалистическому проекту традиционных основ этничности с современными принципами, институтами и практиками реорганизации политической системы и всего социально-культурного пространства страны». Именно такой сплав изначально качественно разнородных составляющих обеспечил в итоге создание, а затем и освоение «новой модели гражданской консолидации общества, получившей оригинальное воплощение в конкретных этносоциальных сферах» (с. 7).

Степень противоречивости советской этнонациональной политики была близка к предельной. К примеру, на смену широкомасштабной «коренизации» 1920-х гг. пришла борьба с «буржуазным национализмом», и т.д. Так, по мнению авторов, выразилось стремление большевистского руководства «совместить интернационализм с... освобождением от “нетрудовых” слоёв, независимо от их национального происхождения», сохранив при этом устойчивость и управляемость советского государства в условиях «ускоренной и радикальной для большинства его народов модернизации» (с. 752).

Анализируя многотрудную проблему гражданской консолидации

* Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.

советского общества, Аманжолова соглашается с суждениями ряда учёных (И. Герасимова, М. Могильнер, С. Глебова) о том, что СССР представлял собой «принципиально новый феномен масштабной самоорганизации». Институты и подходы к управлению обществом изменились настолько радикально, что Советский Союз не может считаться преемником Российской империи. Позднюю империю и СССР можно описывать в одних и тех же категориях лишь фрагментарно (с. 753).

Нельзя не отдать должное уравновешенной позиции авторов. Так, Аманжолова пишет, что «комплиментарность и сложный опыт многовекового взаимодействия, сотрудничества и сожительства объективно толерантных друг к другу народов СССР закономерно обеспечивал и приоритетное место гражданской идентичности» (с. 765). Однако при этом «складывание реальной наднациональной советской общности, со всеми проявлениями стандартизации и гомогенизации, отнюдь не привело к исчезновению традиционных культур» (с. 767). В Советском Союзе провозглашалась задача переформатирования идейных и духовных приоритетов, что требовало «не только спонсирования этничности, но и пластичной взаимной адаптации и интеграции национальных культур с общегражданским социально-культурным и идейным ландшафтом» (с. 768).

Вместе с тем в монографии значительное внимание уделено репрессивным практикам большевистского руководства по отношению к разным народам. В частности, обширные иллюстративные и статистические материалы на этот счёт приводятся в четвёртой главе (авторы — Аманжолова и Дроздов). По внешнеполитическим резонам состоялись «этнически-ориентированные высылки... финнов-

ингерманландцев (1935), поляков и немцев (1935–1936), курдов, корейцев и армян (1937–1938), иранцев (1938)». По итогам четырёх спецопераций «из западных областей БССР к началу Великой Отечественной войны были выселены 123531 чел[овек] разных национальностей» (с. 464). Специально остановились авторы на вопросах, получивших в последнее время не только научный, но и общественно-политический резонанс: голоде 1932–1933 гг. и политике «украинизации». Ссылаясь на исследования «большинства учёных», они отклонили выводы украинских историков, утверждающих, что голод — не что иное, как геноцид украинского народа: «никаких убедительных доказательств» тому нет, а «перенос акцента в область схоластических споров о категории “геноцид”... снимает важный вопрос о необходимости исследовать, как действовал механизм коллективизаторской гонки на местах, приведшей к голоду, какую роль сыграли в её трагических последствиях управленцы всех звеньев, в том числе национальные кадры» (с. 455).

Говоря об «украинизации», они отмечают, что наиболее оппозиционно к ней были настроены «промышленные регионы Юга и Востока Украины (с центрами в Екатеринославе, Харькове, Донецке, Одессе, Николаеве)». Многие из партийных руководителей ещё со времён Гражданской войны и образования Донецко-Криворожской республики «украинизацию не воспринимали в принципе», считая, что пролетариат должен отдать все силы на то, чтобы «завоевать свою автономию и независимость от Украины» (с. 441). Большой интерес в этой связи представляет интерпретация сущностных особенностей ассимиляционных процессов, стимулировавшихся со второй половины 1930-х гг., прежде все-

го в РСФСР. Аманжолова и Дроздов привлекают внимание читателей к работам исследователей, дающих нелинейные трактовки этих процессов.

Среди них выделяется книга ростовского историка С.Я. Сущего об украинцах Юга России¹. Массовый «переход в русские» во время Всесоюзной переписи 1939 г. тех, кто в 1926 г. называли себя украинцами, он истолковывает так: эти люди, с их русско-украинской ментальностью, перемешанной речью и двойственной бытовой практикой, отнюдь не лукавили ни в середине 1920-х гг., ни в конце 1930-х. Просто как в первом, так и во втором случае их ответ не полностью соответствовал действительности: будучи «не совсем» украинцами в 1920-х гг., они стали затем «не совсем» русскими в 1930-х (с. 704). Причина данной этнодемографической трансформации, по мнению Сущего, не в политике большевистского режима, а в стремительном росте пространственной циркуляции населения и последовательной активизации межнационального взаимодействия. «Размывание моноэтнических анклавов отчётливо обнаруживается на Юге России» уже в конце XIX — начале XX в. Урбанизация и масштабное индустриальное строительство 1920—1930-х гг. придали этому процессу ускорение. Но такой «идентификационный переход» однозначно имел бы место и при более мягком политическом режиме. Просто он оказался бы более плавным и растянутым во времени (с. 705).

Отталкиваясь от работ предшественников, авторы предлагают новаторское объяснение проблемы перехода «в 1930-е и последующие годы в СССР и других советских республиках миллионов нерусских в русские». Задаваясь вопросом, была ли это смена этнической идентичности или же национальной, они дают такой ответ:

делался «именно национальный выбор». Произошла смена «национальной» идентичности на общерусскую советскую, тогда как этничность осталась прежней (с. 703).

Научно взвешенные подходы четвёрки авторов способны послужить преодолению стереотипов «обличительной историографии». Широко практикуемый последней телеологический подход приводит к забвению в советском периоде всего, что не имеет «исторической ценности» в националистической парадигме. Например, уникальности советской политики в отношении национальностей. Её известный английский русист Д. Ливен усматривает в следующем: «Большевики сделали упор на модернизацию нерусских республик, стремились поднять их экономику до уровня самой России»². Реализуя эти задачи, советский режим «сам создавал нации» из клановых и племенных сообществ³, при этом, несмотря на депортации ряда народов, «не исчезла ни одна, даже самая малая группа или язык, тогда как в других регионах мира ассимиляция малых групп имела массовый характер»⁴. «Существование в СССР множества наций воспринималось в мире как уникальный исторический феномен и вызывало повышенный интерес, особенно в странах с полиэтническим составом населения»⁵. Или, наконец, то, что знаменитая «идея исключительности советского народа как новой исторической общности оказалась привлекательной не только для идеологизированной многонациональной правящей прослойки». Она стала таковой «и для широких масс, в том числе для многих представителей национальных меньшинств», увидевших в ней «свой шанс найти достойное место в жизни»⁶.

Бесспорное достоинство книги состоит также в том, что её авто-

ры, довольно широко используя наработки зарубежных учёных, видят в них просто иностранных специалистов, а не нормативную теоретико-методологическую референтную группу — законодателей мод, которым необходимо слепо подражать.

Для оформления книги использована хранящаяся в Бахрушинском музее картина А.А. Экстер к балет-сюите «Скрябиниана» К.Я. Голейзовского на музыку А.Н. Скрябина. Следует по достоинству оценить соответствие обложки монографии её содержанию, отражающему новаторское творчество и противоречивость советской национальной политики.

Примечания

¹ Суций С.Я. Украинцы Юга России: демографическая история одного регионального сообщества. Ростов н/Д, 2013.

² Ливен Д. Русская, имперская и советская идентичность // Европейский опыт и преподавание истории в постсоветской России. М., 1999. С. 306.

³ Ливен Д. Российская империя и Советский Союз как имперские государства // Европейский опыт... С. 191.

⁴ Тишков В. Интервью // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. IX. 2001. № 4. С. 22.

⁵ Иванов В.Н. Межнациональные отношения в России. Постановка проблемы // Социс. 1994. № 6. С. 32.

⁶ Бабаков В.Г. Кризисные этносы. М., 1993. С. 165.

Олег Волобуев

Монография, которая наводит на размышления*

*Oleg Volobuev
(Moscow, Russia)*

A thought-provoking study

DOI: 10.31857/S2949124X24010214, EDN: BYKWBT

Название рецензируемой коллективной монографии сразу же вызывает вопросы. Прежде всего, была ли советская федерация отрицанием империи как типа государственности? Ведь со времён перестройки термины «СССР» и «советская империя» употребляются как синонимы. Далее, всегда ли империя это прошлое, обречённое прогрессом на слом, или может существовать «модерная империя»? Наконец, что авторы понимают под модерностью? Большевики строили социализм, это одно и то же или разное историческое творчество? Вообще проблема терминологии в данном случае — одна из основных. Авторы используют ряд тер-

минов, которые в советской, да и постсоветской историографии не употреблялись. Они заимствованы в первую очередь из современных этнологии и политологии: нациестроительство, этнонациональная политика, конструирование современных наций и др. Расширение и обновление понятийного аппарата — естественное состояние науки. Но, к примеру, Л.Н. Гумилёв, создавая концепцию этнической истории, выходил к читателю с книгами, оснащёнными словарём. Не мешало бы и авторам иногда пояснять, как они интерпретируют те или иные понятия.

Монография очень объёмна, в ней семь глав. Первые две (автор —

* Аманжолова Д.А., Дроздов К.С., Костырченко Г.В., Красовицкая Т.Ю. Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. 832 с.